

«Пойдёт невидимую тропкой моя весёлая душа...»

Вячеслав ЛОБАЧЁВ

К 80-летию русского поэта Алексея Васильева

Вологодская земля. И сразу в памяти возникают имена Константина Батюшкова, Александра Яшина, Николая Рубцова, Алексея Васильева... Стоп! Алексей Васильев. Кто такой? Поэт. Большой поэт земли русской. А почему не знаем? Да всё по очень простой причине: мало интересуемся другими. Однако каждый, кто хоть однажды слушал его выступления, прочитал подборку или книжку его стихов, никогда не забудет это имя.

А биография? Банально, но она вся в стихах. Отобью основные вехи: родился в Москве 10 марта 1933 года. Служил в армии. В звании старшего лейтенанта уволен в запас. Тамбов, Архангельск, Ковдор, алмазный Мирный. Последние 20 лет жизни обитал в доме матери на Вологодчине, в городе Устюжна. Умер 21 октября 2002 года...

Зёрнышко к зёрнышку, песчинка к песчинке, буква к букве. Возникают слова. Из слов появляются образы. Так рождаются стихи. У одних хорошие, у других... разные. Хлеб насущный и хлеб духовный. Писать пытались все. Поэтами становятся избранные. Попробуйте назвать хотя бы десять. Отлично. Почти все они оказались в школьных учебниках. А современные? Многих из них мы просто не знаем. Или не замечаем?.. Вот если кто-то объявит великим, то... А так... Кого-то искать, тратить на поэтические сборники, в которых можно обнаружить зарифмованные ни уму, ни сердцу строки, терять время непонятно на кого и на что. Ведь сказано: Пушкин — великий русский поэт! Когда объявят ещё кого-нибудь, то его и будем читать. И Васильева — тоже. С его ироничным вопросом:

*Облака — изменчивые страны,
Птицы, тени, лёгкость бытия...
Всё прекрасно,
Лишь одно мне странно:
Почему был Пушкиным не я?*

В России — оспорьте! — многие и многие замечательные поэты ждут своего часа — часа всеобщего признания. Ведь, пожалуй, любой из них мечтает, чтобы его строки

услышали не десятки, а сотни, тысячи людей. Поэты — они и философы, и властители дум. Поделитесь своим состоянием души, вплоть до самобичевания, со всеми на свете, быть понятыми и поднятыми — вот их зачастую безудержное, но тайное желание. Они по-царски щедры и добры в своих чувствах и, как правило, по-детски наивны.

В каждой области, в каждом регионе есть авторы, перешагнувшие границы восточной и вырвавшиеся на орбиту. Они с нами говорят из Космоса. Их очень и очень немного, но они есть...

Я познакомился с Васильевым в сентябре 1974 года, в суровом северном Мирном. В те годы мне пришлось работать в геофизической экспедиции. Общение с природой наводит на философские размышления. Тогда я и попытался складывать слова в стихи. Кое-что, вроде, стало получаться. Од-

нажды в руки попала городская газета, где вся последняя полоса была отдана поэзии. Над строчками висела шапка: «Литературное объединение "Кимберлит"». Председатель Алексей Васильев». «Какое удачное название придумали, — подумалось. — "Кимберлит". Ведь это — алмазосодержащая порода. И если на тонну руды приходится восемь-десять карат алмазов, то такое месторождение считается уже промышленным». Вспомнились, конечно, известные строки Маяковского, сравнившего поэзию с добычей радия.

«...А почему бы и нет, — решил я. — Может, это как раз то, что мне нужно». И отправился на встречу.

Первое впечатление, зачастую, самое верное. На Алексея Васильева был тёмный костюм и белая, супермодная в те годы, водолазка. Седая борода, такого же цвета волосы, умный, всепроникающий взгляд. Внешним обликом он напоминал Хемингуэя. Ему шёл сорок первый год. Васильев сидел за столом главного редактора газеты и лицедействовал. Собралось человек тридцать, и все, разинув рты, слушали поэта...

В этой компании оказались не только литераторы, но и художники, музыканты. Когда началось свободное чтение стихов, я всё же осмелился про-

читать одно таёжное. Васильеву понравилось. Он сказал, что к нам пришёл ещё один поэт и отобрал мой опус для публикации. Так я стал кимберлитовцем. А он — моим литературным учителем.

Так уж получилось, что в те дни у меня не было жилья в Мирном, а у Васильева начались неладья в семье, и он ушёл в общежитие. В его комнате оказалась свободная койка, и я стал частым гостем этой обители. Той памятной осенью он и написал очень трогательные, раскрывающие его сущность строки:

*Здесь лунный свет перечеркнули тени,
Здесь, вжившись в холостяцкое жильё,
Легит на койке, подогнув колени,
Большое одиночество моё...*

Васильев был заражен на поэзию. Он мог враз прервать любое дело, схватив записную книжку, чтобы материализовать свои мысли. Это «накапывало» на него в любой момент. Случалось, мы играли в настольный теннис, гоняли шары по бильярдному столу или боксировали, как вдруг Алексей хватался за авторучку. Перед сном в изголовье клал бумагу. Бывало, два-три раза за ночь на несколько минут зажигал настольную лампу, курил, оставляя на листке строчки и снова впадал в небытие.

Он был щедрой натурой. Щедрой во всём. Более половины из опубликованного имеет посвящение разным людям, порой, на мой взгляд, даже того не достойным. Но Васильев — человек-миг, человек-настроение делал то, что в данный момент было угодно душе. Часто, не имея лишней копейки, мог отдать последний червонец полужающему встречному.

Знаменательным событием стал для нас вечер «Кимберлита» осенью 1978 года. Нам представили большую зал недавно построенного дома культуры «Алмаз», и 800 человек в течение четырёх с половиной часов (без перерыва!) слушали стихи. Когда, наконец, вышли на улицу, нас встретили хрустальные россыпи стекла. Оказалось, что

толпа поклонников, не сумевшая достать билеты, вышибла входные двери.

О Васильеве можно рассказывать часами... Как он мастерски читал стихи! Именно мастерски. Перед вами возник образ человека непомерной физической силы, всё умеющего, всё знающего, прошедшего огонь, воду и медные трубы, романтика, патриота, гражданина, любимаца женщин, где-то чудака, где-то лижона, где-то просто валяющего дурака, но не ангела. Ангелом Васильев никогда не был. Он был поэт.

На Севере пришлось сменить множество профессий, и большинство из них упоминаются в стихах. Но долго он нигде не задерживался: считал своим главным предназначением службные поэзии. А постоянная работа отнимала эту возможность. Когда командующий Северным военным округом дал лейтенанту Васильеву последнюю возможность остаться в войсках, он ответил: «Генералов — тысячи, а настоящих поэтов — единицы. Я буду писать стихи».

Васильев любил и был любимым. Он мог быть обходительным, галантным, где-то даже рыцарем, читать и даже посвящать даме сердца свои стихи, а мог сорваться на крик, обидеть словом, но тут же искренне попросить прощения. Неординарный, непредсказуемый поэт страстно хотел, чтобы его женщины соответствовали высокому интеллектуальному уровню, заданному стихами автора. Можно предположить, что Алексей всю жизнь искал свой идеал, свою Лауру.

Он ушёл из жизни в Доме ветеранов, в своей творческой квартире, в полном одиночестве. Это был тот самый случай, когда в прямом и переносном смысле некому подать стакан воды. Если бы в ту ночь рядом с ним находилась хоть одна живая душа и вовремя вывала «скорую», то всё могло закончиться по-другому. Но, как известно, история не терпит сослагательных наклонений...

*Когда корабль
Устанет плавать,
Ударит случай по плечу —
И полетит Земля направо,
А я налево полечу.
А посредние неторопко,
Листвой и звёздами шурша,
Пойдёт невидимую тропкой
Моя весёлая душа...*

Верю, что благодарные земляки когда-нибудь поставят в парке памятник своему поэту. Возможно, появится улица, названная в честь Алексея Васильева. Твердо уверен, что Россия обратит взор на одного из своих сыновей эпохи «шестидесятников», воспевавшему жизнь во всех её проявлениях. Поэты уходят в вечность...

Писатель и мечтатель

к 80-летию со дня рождения Гурама Панджикидзе

Гурам Панджикидзе был не только выдающимся писателем земли грузинской, но и великим мечтателем. Его интересовало буквально всё, что происходило на территории страны, начиная от спорта и заканчивая экологией. А его великолепные художественные произведения и яркая публицистика ещё раз подтверждают, что он был эрудированным человеком с широким кругозором.

Гурам Панджикидзе окончил металлургический факультет Политехнического института и начал свою трудовую деятельность на Руставском металлургическом заводе. Однако спустя два года его пригласили в родной институт на должность главного редактора многотиражной газеты «Ленинели» («Ленинец»).

Вскоре на страницах республиканского журнала «Дискари» появились рассказы: «Маркиза» и «Вечер», а позже в Тбилиси был издан его первый прозаический сборник. Первое крупное произведение было напечатано в 1967 году под заглавием «Седьмое небо» — это роман о металлургах, о нравственных поисках писателя. Эта книга, как и почти все последующие — «Камень чистой воды» (1972), «Год активного солнца» (1975), «Спираль» (1994) — были опубликованы на русском и на некоторых языках народов СССР.

В 1969 году Панджикидзе был участником V Всесоюзного совещания молодых писателей, и вскоре ему присудили Всесоюзную премию Ленинского комсомола в области литературы. Он был удостоен Государственной премии им. Шота Руставели.

Гурам Панджикидзе стремился создать жанр фантастики в родной литературе и личным примером хотел доказать, что Жюль Верны нужны Грузии. Я имею в виду роман «Спираль» (1994), по мотивам которого на местном телевидении был снят многосерийный фильм.

Вся деятельность Гурама Панджикидзе вызывает восхищение и удивление. Восхищение потому, что каждое произведение затрагивает новые темы и проблемы; а удивление, потому что возникает вопрос: когда он успевал творить, если постоянно занимал очень серьёзные и высокие должности. Долгие годы возглавлял самое крупное издательство республики «Сабчота Сакартвело» и погиб он, будучи председателем Союза писателей Грузии.

Хорошо помню, какую радость ему доставляли великолепные победы грузинских борцов на мировых спортивных площадках, фантастический успех футболистов тбилисского «Динамо», ставших обладателями «Кубка кубков» Европы, уникальное достижение шахматистки, пятикратной чемпионки мира Ноны Гаприндашвили. В главных газетах Грузии регулярно печатались статьи Г. Панджикидзе, посвящённые проблемам спорта. В 1982 году он передавал свои репортажи с Чемпионата мира по футболу в Испании, а по возвращении издал небольшую книжку об итогах турнира «Форца Италия» («Вперёд, Италия!»). Многие мечты писателя не только в области литературы, но и в сфере спорта осуществились. Ему посчастливилось это увидеть и радоваться.

Расскажу об одной моей встрече с Гурамом Панджикидзе. Я находился в Ереване по своим литературным делам и постоянно сотрудничал с видным писателем и публицистом Вардгесом Петросяном. Он пригласил меня на обед и сообщил, что завтра мы будем встречать Гурама Панджикидзе и потом дватри дня проведём вместе.

Сказано — сделано!

Вместе с Г. Панджикидзе мы побывали в Эчмиадзине, Аштараке, на озере Севан, в Ереване, в редакции журнала «Гарун», которым руководил В. Петросян...

И вот однажды мы гуляли по вечернему Еревану и оказались на пересечении улиц Саят-Новы и Абовяна. В. Петросян рассказывал о том, что улица Абовяна одна из древних в Ереване, Египше Чаренц и другие армянские классики очень любили в вечерние часы здесь гулять...

Вдруг Панджикидзе и перебил Петросяна: — Дорогой Вардгес! Вот это что за церквушка? А мы не можем войти во двор, и поглядеть её с близкого расстояния?

Все ходы, к сожалению, были закрыты, но Панджикидзе твердил, что непременно хочет туда попасть. В итоге, мы, помогая друг другу, преодолели невысокую стену из туфа, а также железную узорчатую решётку на ней.

Красивый архитектурный памятник, видимо, был каким-то складом, неухоженным и, конечно, нуждался в реставрации. Осмотрев часовню и сделав круг почета вокруг неё, мы таким же способом, то есть через забор, снова выбрались на улицу Абовяна и столкнулись с милицией. К счастью, стражи порядка узнали Вардгеса Петросяна и не стали нас задерживать за нарушение общественного порядка.

Кстати, недавно там, на пересечении улицы Абовяна с улицей Саят-Новы, всё снесли вокруг часовни, а её хотят отреставрировать и рядом построить резиденцию для Патриарха армянской христианской церкви.

В ту нашу встречу Вардгес Петросян всячески стремился показать братское гостеприимство и спрашивал у Гурама Панджикидзе, что тот хотел бы увидеть в Ереване в первую очередь. Писатель признался: его интересует всё, связанное с именами авторов-классиков А.С. Грибоедова и Паурира Севака.

И через Араратскую долину мы отправились туда, где похоронен Севак. По крутым серпантинам добрались до деревни Чанахи, которая теперь носит название «Зангакатун» («Колокольня»), в честь гениальной поэмы Севака «Неумолкаемая колокольня».

Мы стояли у огромной могильной пли-

ты, а В. Петросян читал стихи великого поэта и рассказывал о своей дружбе с ним. Тихим, грустным голосом Панджикидзе обратился к нам:

— Дорогие друзья! Вот здесь, у могилы великого поэта и его жены хочу выразить свои братские чувства и восхищение, ведь Севак перевёл на армянский язык многих классиков грузинской поэзии...

Должен признаться, я был очень взволнован, потому что сам бывал здесь не раз. Севак в моей жизни сыграл судьбоносную роль. Каждый раз с благодарностью вспоминаю своего любимого учителя и научного руководителя кандидатской диссертации...

От армянского классика Севака очень плавно перешли к русскому классику А.С. Грибоедову. Вернувшись в Ереван, Вардгес Петросян попросил водителя ехать к зданию армянского коньячного завода. Там раньше находилась городская администрация. Но главное, как доказывают наши учёные-историки, в этом здании сосланные русские декабристы с помощью местных армян впервые осуществили постановку бессмертной пьесы Грибоедова «Горе от ума». На территории коньячного завода был пропуск, конечно, не пустили. Мы постояли пару минут у высокой каменной стены, где была закреплена небольшая памятная доска, напоминавшая, что тут неоднократно в 1827-1828 годах бывал А.С. Грибоедов.

Спустя несколько лет после этой памятной встречи, с подачи В. Петросяна, в Ереване был издан на армянском языке роман Гурама Панджикидзе «Камень чистой воды».

...Рухнула советская власть. Видного писателя и депутата Вардгеса Петросяна убили в центре Еревана, на пороге собственной квартиры.

В 1997 году на берегу Чёрного моря умер от инфаркта Гурам Панджикидзе, выдающийся писатель и мечтатель, оставив читателям своё богатое и самобытное творчество...

Альберт ОГАНЯН,
академик РАЕН,
кавалер «Ордена Чести»
Республики Грузия

Поэт с берегов Тавриды

24 апреля мы могли бы вместе с Володией Коробовым отмечать его 60-летие. Но мы отмечаем этот юбилей без него. С нами память о нём, его книги, его добрая и трудная жизнь.

Поэта не стало в ноябре 2011 года, когда он поехал в свой родной город на берегу Чёрного моря, в Ялту, чтобы поставить памятники близким: матери и старшему брату. Было много творческих планов, ему хорошо работало в Крыму.

И вдруг внезапная смерть уже с обратным билетом в Москву. Судьба оставляла его в Крыму, в той благополучной Тавриде, которую с детства полюбил и которой был верен всем сердцем и творчеством. Эта любовь привела к собиранию всего лучшего, что написано в нашей поэзии о Крыме. Результатом стала его знаменитая антология «Прекрасны берега Тавриды», том стихов русских и советских поэтов, посвящённых Крыму.

Антология была высоко оценена как в Крыму, так и в Москве, отмечена многими публикациями в российской и украинской печати. Володя много работал как секретарь правления СПР, помогал начинающим, участвовал как руководитель семинаров на Международном совещании молодых писателей в Переделкино осенью 2011 года. Почти подготовил к печати Антологию современной поэзии начала XXI века...

Не меньше Ялты и Крыма поэт любил Переделкино, с которым связывала многолетняя творческая память и вся его жизнь.

Тем, кто действительно любит и понимает поэзию, он оставил свою книгу стихов «Сад метаморфоз». Это произведение трудившейся души, созидательной и ранимой. В сущности, нам, его друзьям, остаётся сохранять память о Владимире Коробове как о человеке, влюблённом в свою родину и в поэзию. И мы остаёмся благодарны ему за эту любовь...

Николай АЛИПОВ,
член СПР